

*Русское богатство Н.Г. Гарина-Михайловского:
творчество – литературный контекст – восприятие – наследие**

*Russian grandeur of N.G. Garin-Mikhailovsky:
oeuvre – literary context – perception – heritage***

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82-09

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-2-50-60

Дата поступления: 11.04.2022

рецензирования: 06.06.2022

принятия: 17.06.2022

М.А. Перепелкин

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

E-mail: mperepelkin@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6102-6947>

**Крах инженера Гарина:
Н.Г. Гарин-Михайловский и А.Н. Толстой**

Аннотация: в данной статье предпринят сопоставительный анализ двух повестей о детстве – «Детства Тёмы» Н.Г. Гарина-Михайловского и «Детства Никиты» А.Н. Толстого. Анализируя исходные сюжетные ситуации двух повестей, ключевые эпизоды и финалы, автор статьи приходит к выводу о том, что А.Н. Толстой предпринял своего рода ревизию повествования своего предшественника, написав не просто другую версию «детства», а откровенно антигаринское сочинение. Причины этой ревизии имеют как биографические, так и творческие корни: лично знакомый с Н.Г. Гариним-Михайловским в юности и находившийся под его влиянием, впоследствии А.Н. Толстой пришёл к необходимости переосмыслить свои юношеские идеалы, противопоставив аналитизму Гарина синтетизм, а поэзии краха и дисгармонии – поэзию полноты бытия и жизнерадостного утверждения. Внимательному рассмотрению в ходе исследования подвергаются мотивы страха, смерти, осмысления отцовства; отдельное внимание уделяется анализу «вертикальных» эпизодов в каждой из двух повестей, выделяющихся на фоне общего «горизонтального» повествования (в случае Н.Г. Гарина-Михайловского это эпизод спуска героя в старый колодец, у А.Н. Толстого – «молитва» героя в домике на колёсах).

Ключевые слова: Н.Г. Гарин-Михайловский; «Детство Тёмы»; А.Н. Толстой, «Детство Никиты»; сопоставительный анализ; гармония; вертикаль и горизонталь; семиотика страха; ревизия.

Цитирование: Перепелкин М.А. Крах инженера Гарина: Н.Г. Гарин-Михайловский и А.Н. Толстой // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 2. С. 50–60. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-2-50-60>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Перепелкин М.А., 2022 – доктор филологических наук, профессор, кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

M.A. Perepelkin

Samara National Research University,

Samara, Russian Federation

E-mail: mperepelkin@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6102-6947>

* Статьи публикуются в рамках научного проекта «Николай Георгиевич Гарин-Михайловский: Проблемы изучения творчества, литературного контента и рецепции»

** The articles are published within the scope of the scientific project “Nikolai Georgievich Garin-Mikhailovsky: the oeuvre research problems, literary content and reception”

«The collapse» of engineer Garin: N.G. Garin-Mikhailovsky and A.N. Tolstoy

Abstract: in this article, a comparative analysis of two stories regarding childhood has been carried out – “Tyoma’s Childhood” by N.G. Garin-Mikhailovsky and “Nikita’s Childhood” by A.N. Tolstoy. Analyzing the initial plot situations of the two stories, key episodes and denouements, the author of the article comes to the conclusion that A.N. Tolstoy has undertaken a kind of revision of the narrative of his predecessor, writing not just another version of “childhood”, but simply an anti-Garin literary work. The reasons for this revision have both biographical and creative roots: being personally acquainted with N.G. Garin-Mikhailovsky in his youth and influenced by him, later A.N. Tolstoy came to the conclusion of reconsidering his juvenile ideals, contrasting synthetism with Garin’s analyticism, and collapse and disharmony poetry – with the poetry of fullness of being and cheerful affirmation. The motives of fear, death, and comprehension of fatherhood are carefully examined. Furthermore, special attention is paid to the analysis of “vertical” episodes in each of the two stories that “stand out” against the background of the general “horizontal” narration (in case of N. Garin-Mikhailovsky, this is the episode of the protagonist coming down / descent into the old well, in A. Tolstoy – the protagonist’s “praying” in the traveling coach).

Key words: N. Garin-Mikhailovsky; “Tyoma’s Childhood”; A. Tolstoy; “Nikita’s Childhood”; comparative analysis; harmony; vertical and horizontal; semiotics of fear; review.

Citation: Perpelkin, M.A. (2022), The collapse of engineer Garin: N.G. Garin-Mikhailovsky and A.N. Tolstoy, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 2, no. 2, pp. 50–60, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-2-50-60>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Perpelkin M.A., 2022** – Dr. philol. habil., Professor, Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Прежде всего, следует сказать о том, что имена Н.Г. Гарина-Михайловского и А.Н. Толстого уже не раз и не два соседствовали на страницах одних и тех же работ исследователей, обращавшихся к анализу творчества А.Н. Толстого и, в частности, его повести «Детство Никиты» (Привалова 1953, с. 11; Скобелев 1981, с. 153). Правда, чаще всего это соседство ограничивалось упоминанием первого из них в ряду авторов автобиографических произведений о детстве, которые так или иначе повлияли или могли повлиять на художественный почерк А.Н. Толстого и стиль его повести. Здесь надо заметить, что из работ последних лет, исследующих претексты и интертексты «Детства Никиты», имя Н.Г. Гарина-Михайловского практически исчезло, – например, о нём ни словом не обмолвилась Е.Д. Толстая, включившая в список «претекстов» и «интертекстов» толстовской повести мать писателя А.Л. Толстую, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, М. Горького и некоторых других (Толстая 2013, с. 282–292). Досадное упоминание в этом ряду Гарина связано, на наш взгляд, как раз с тем, что из сферы внимания исследователей оказались выпавшими существенные для А.Н. Толстого, но не отрефлексированные наукой факты, о которых пойдёт речь ниже. Между тем есть все основания говорить о том, что влияние Н.Г. Гарина-Михайловского на автора «Детства Никиты» и ещё ряда других произведений, задумывавшихся Толстым как ответ в том числе и «инженеру

Гарину», было гораздо большим, чем это до сих пор представлялось исследователям, и заслуживает более скрупулёзного анализа, начать который нам и хотелось бы в этой работе.

И прежде всего – несколько фактов.

В начале июня 1900 года А.Н. Толстой сообщил родителям, что, добираясь на пароходе от Самары до Бригадировки (село в Ставропольском уезде), куда он ехал по приглашению Н. Тресвятского, «познакомился с Михайловским и его женой, вот интересные субъекты, она мне больше его понравилась» (А. Толстой и Самара 1982, с. 175). Однако, как выяснилось чуть позже, это не стало новостью для матери будущего писателя А. Л. Толстой, вскоре сообщившей, что «от Тейтеля я узнала уже, что ты ехал с Михайловским и что вы вместе обещали» (Переписка А.Н. Толстого 1989, с. 63).

Здесь надо заметить, что имя Н.Г. Гарина-Михайловского в доме родителей А.Н. Толстого было хорошо известно и ранее, до этого знакомства двух писателей, один из которых, Гарин, в 1900 году находился в зените писательской славы, а второй ещё учился в Самарском реальном училище и о писательстве даже не помышлял. Что касается А.Л. Толстой, то её знакомство с Н.Г. Гариним-Михайловским произошло ещё в начале 1895 года в Петербурге при посредничестве Я.Л. Тейтеля, о чём она рассказала, в частности, в письме к ожидающему её возвращения на хуторе возле Сосновки (Павловки тож) двенадцатилетнему сыну, Алексею

Толстому: «Вчера, дружок, ездила я в Царское Село. Это уездный городок Петербургской губернии, где часто теперь живёт молодой император. Конечно, всего города я не видела, но то, что я видела, было прелестно. Представь себе широкую улицу, с одной стороны дома, буквально тонущие в массе деревьев, с другой – длинный бульвар. Все деревья осыпаны инеем и вся эта картина белая, чистая, залита голубым электричеством высоких фонарей, так что свет льётся сверху. Получается картина, похожая по своей красоте на волшебную декорацию. У Михайловских видела очень милого мальчика, их сына Серёжу. Ему десятый год, он очень маленький, можно дать ему лет восемь на вид, личишко у него серьёзное, и он говорит, как большой, все дела отца и матери знает, и очень входит в их интересь» (ОР ИМЛИ. № 6314/5). Примерно тогда же и сам Алексей Толстой в ответном письме к матери сообщил ей о прочитанном в «Мире Божьем» рассказе Гарина («В “Мире Божьем” есть очень хорошая статья Михайловского: “Бурлаки”. Это говорится про татар. Вот один красивый татарин пришёл со службы, и ему приглянулась одна богатая красавица. Но так как он был бедный, то он не мог на ней жениться, и вот он нанимается к её отцу в ямщики. К ним заехал раз богатый барин, который подарил отцу этой красавицы кусок земли, для того чтобы он просватал её за ямщика. Он просватал. Тогда ямщик поступил к барину на службу. Барину приглянулась жена ямщика, и ей приглянулся барин. Ямщик это заметил и ушёл от барина. Тут подоспело жнитво, ямщик ушёл на жнитво артельщиком. На базаре его подкупил приказчик, чтобы он непременно согласился за ту цену, за которую он ему скажет условным жестом. Приказчик выехал на базар и сказал, что хлеб зелёный. Татары приуныли и стали приставать к приказчику, чтобы он их пустил, он подзвал к себе ямщика и стал с ним рядиться. Подрядчик сказал за 4 рубля. Ямщик не соглашался, но вдруг увидел, что подрядчик сделал ему условный жест, и согласился. Потом другие приказчики стали рядить за 6,5 рублей. Оказалось, что хлеб вовсе не зелёный, татары хотели перейти к другим подрядчикам, которые давали дороже, но не могли. Тут они так озлобились, что убили ямщика. Конец уж очень хорош, как отец горюет о сыне» (Алексей Толстой и Самара 1982, с. 92). Со своей стороны, родители Толстого выразили полное удовлетворение этим пересказом, поощрив сына и, что немаловажно, в некотором смысле закрепив таким образом его любовь к творчеству автора «Бурлаков» (А.А. Бостром – А.Л. Толстой: «А мне, Сашурочка, так было приятно увидеть <...> что у Лёли не пропал дар изложения прочитанного: как хорошо в кратких словах он передал тебе сюжет прочитанного нами рассказа Гарина» (ОР ИМЛИ. № 6330/24); А.Л. Толстая – А.Н. Толстому: «Очень

мило ты рассказал, дружок мой, о статье Гарина “Бурлаки”, я порадовалась, что ты можешь так хорошо изложить содержание прочитанного», 7 февраля 1895 г. (ОР ИМЛИ. № 6314/9)).

Знакомство А.Л. Толстой и её гражданского мужа А.А. Бострома с Н.Г. Гариным-Михайловским и его семьёй, начавшееся в середине 1890-х гг., продолжалось в течение десяти с лишним лет, до самой кончины А.Л. Толстой, а потом – и Н.Г. Гарина-Михайловского, ушедших друг за другом в 1906 году с разницей в несколько месяцев. При этом они встречались в Самаре и в Петербурге, Гарин арендовал у Толстой и её родственников их родовое имение – село Тургенево (где летом 1902 года А.Н. Толстой вступит в брак с Ю.В. Рожанской), А.Л. Толстая искала у более успешного, чем она, в писательском отношении Гарина его литературного покровительства, обращаясь за посреднической помощью, в том числе и к жившему с середины 1901 года в Петербурге А.Н. Толстому, и т.д.; и даже в доме у Бострома и Толстой, как становится понятно из их переписки, стояла мебель, ранее принадлежавшая всё тому же Н.Г. Гарину-Михайловскому (подробнее об этом см. здесь: Перепёлкин, 2020, с. 91–101). Приходится ли в таком случае что-то ещё говорить о том, что будущий автор «Детства Никиты», будучи лично знаком с Гариным и зная о том, как высоко ценят литературный талант последнего его родители, должен был сам хорошо знать самое знаменитое из гаринских произведений – повесть «Детство Тёмы», а зная её – иметь в виду при работе над собственным автобиографическим сочинением о детстве?

Итак, всё, сказанное выше, позволяет, на наш взгляд, перекалифицировать вопрос о влиянии Н.Г. Гарина-Михайловского на А.Н. Толстого из гипотетически-неопределённого в утвердительный: да, это влияние имело место. А вот каким оно было и в чём заключалось – об этом мы и подумаем дальше.

Ход исследования

Но прежде – слово исследователям гаринского «Детства Тёмы».

«Тут воспроизведены все мелочи обыденной жизни; выведены типы и фигуры – живые, облечённые плотью и кровью люди, с их психологией, то обыкновенной, незамысловатой, то сложно, загадочной, – писал в предисловии к первому посмертному собранию сочинений писателя, увидевшему свет в 1916 году, П.В. Быков. – Какой-то свежестью веяло от этой истинно-художественной вещи, от этого простого, безыскусственного, правдивого, чистосердечного повествования. Именно эта, бросающаяся в глаза, неприкрашенная правдивость и трогательная чистосердечность прежде всего подкупали читателя» (Полное собрание сочинений Н.Г. Гарина-Михайловского 1916, с. I).

А вот, по мнению И.М. Юдиной, «эпиграфом к “Детству Тёмы” могли бы служить слова из “Очерков бурсы” Н.Г. Помяловского: “Все уверены, что детство есть самый счастливый, самый невинный, самый радостный период жизни, но это ложь: при ужасающей системе нашего воспитания... – это самый опасный период, в который легко развратиться и погибнуть навеки”. Изображая взаимодействие характера, среды и обстоятельств, Гарин рисует пору детства (и юности) как “опасный период”» (Юдина 1969, с. 85).

И ещё одно наблюдение, на этот раз принадлежащее В.П. Скобелеву: «Н. Гарин-Михайловский мог бы назвать тетралогию “Историей моего современника”. Здесь тоже история развивающегося самосознания, история поиска человеком своего места в жизни не столько в бытовом, сколько в нравственно-психологическом и социально-мировоззренческом смысле» (Скобелев 1984, с. 8).

Итак, «живые» и «облечённые плотью и кровью люди», «неприкрашенная правдивость и трогательная чистосердечность» повествования, с одной стороны; «пора детства (и юности) как “опасный период”», с другой; и, наконец, «история поиска... своего места в жизни... в нравственно-психологическом и социально-мировоззренческом смысле», с третьей. Таковы читательские и исследовательские ощущения от гаринского «Детства Тёмы» – ощущения, может быть, и не исключают друг друга, но требующие от современного исследователя, во-первых, того, чтобы он соотносил свои наблюдения с каждым из них, а, во-вторых, попробовал бы объяснить некоторый диссонанс в предпринимавшихся ранее попытках интерпретации анализа детства, предпринятого Н.Г. Гариним-Михайловским в его повести.

Следует напомнить о том, что Н.Г. Гарин-Михайловский обратился к написанию «Детства Тёмы» в начале 1890-х гг., когда, оставив службу железнодорожного инженера, поселился с семьёй в деревне Гундоровке Самарской губернии и занялся сельским хозяйством. Почти одновременно с этим Гарин взялся за повесть о своём детстве, выведя себя самого на её страницах под именем восьмилетнего мальчика Тёмы (а год спустя после первой публикации повести Михайловские назовут этим именем родившегося у них сына, Артемия Николаевича). Какие задачи ставил перед собой при этом писатель, и удалось ли ему эти задачи решить? Для того, чтобы приблизиться к ответу на этот вопрос, остановимся на трёх эпизодах повести.

Первый эпизод – это эпизод, которым открывается повесть, – эпизод с цветком (глава «Неудачный день»). Всего несколько мгновений назад в мире царил полная гармония: герой, «проснувшись, помолится Богу, напился чаю, причём съел с апетитом два куска хлеба с маслом, одним словом –

добросовестным образом исполнив все лежащие на нём обязанности, вышел через террасу в сад в самом весёлом, беззаботном расположении духа», а в саду – «так хорошо было» (Гарин-Михайловский 1957, с. 55). Но теперь – не то: «Маленький восьмилетний Тёма стоял над сломанным цветком и с ужасом вдумывался в безвыходность своего положения» (Гарин-Михайловский 1957, с. 55). Обратим внимание на два момента: непременно условием гармонического бытия является, по Гарину, добросовестное исполнение всех лежащих на человеке обязанностей, а немедленно после того, как гармония рушится, виновник или свидетель этого краха начинает «с ужасом вдумываться» в случившееся, пытаясь найти и понять его причины. Замечательна и эта причина, найденная героем: «Всему виною его гадкие, скверные руки! Ведь он не хотел, руки сделали, и всегда руки. И он придёт к отцу и прямо скажет ему: Папа, зачем тебе сердиться даром, я знаю теперь хорошо, кто виноват, – мои руки. Отруби мне их, и я всегда буду добрый, хороший мальчик. Потому что я люблю и тебя, и маму, и всех люблю, а руки мои делают так, что я как будто никого не люблю. Мне ни капли их не жалко» (Гарин-Михайловский 1957, с. 55). Итак, гармония является следствием добросовестного выполнения обязанностей, а для её восстановления требуется, во-первых, найти причину краха гармонии и, во-вторых, «отрубить» виновные в дисгармонии «руки», находящиеся в разладе с «всех люблю».

Следующий эпизод – спуск героя за Жучкой в колодец в главе «Старый колодезь». Известно, что именно этот фрагмент повести «Детство Тёмы» не однажды издавался в советские годы отдельными изданиями с заголовком «Тёма и Жучка», – издавался, на наш взгляд, только в силу глубочайшего заблуждения издателей и редакторов, полагавших, что смысл этого фрагмента сводится к банальной бытовой смелости юного героя, отважившегося прийти на помощь другу, который в этой помощи нуждается и т.п. По нашему убеждению, настоящий смысл «Старого колодезя» заключается совсем в другом, и если бы редакторы указанных изданий просто заподозрили, в чём здесь дело, едва ли увидело бы свет хотя бы одно издание «Тёмы и Жучки».

Напомним, что глава открывается сном героя, в котором он видит себя на берегу моря, «с замираньем и наслаждением» ожидающим «холодного прикосновения» морской волны, вместо которого дожидается, как «волна обдаёт его каким-то удушливым жаром, тяжело наваливается и душит». Мир, в котором видит себя спящий герой, переворачивается с ног на голову, в нём меняются местами холодное и горячее, сон и реальность, верх и низ. Это касается всего, что окружает героя, – и мира в целом, и деталей, этот мир составляющих

(например, абзац, начинающийся словами «День только н а ч и н а л с я», торопится завершиться напоминанием о «вчерашнем вечере со всеми его перипетиями и сладким примирительным к о н ц о м» (Гарин-Михайловский 1957, с. 88–89), а деревья в саду, мимо которых проходит герой, стоят «с о п р о к и н у т о й ветром листвою»). В этом ключе надо понимать и с п у с к героя в колодезь, который в то же самое время есть его восхождение к вершине того самого ужаса, о котором говорилось и в предыдущем эпизоде тоже.

Вообще, «страх» и «ужас» присутствуют в «старом колодезе» в сконцентрированном виде: «Каким-то ужасом смерти пахнуло на него со дна этой... страшной глади... От страха, хватит ли у Жучки силы дожидаться, пока он всё приготовит, у Тёмы удвоилась энергия... На мгновенье в душу закрадывается страх, как бы не задохнуться... Страх охватывает его... Он видит, как из-за стены медленно поднимается чья-то чёрная, страшная голова» (Гарин-Михайловский 1957, с. 92–95) и т.д.

Но, прежде чем делать выводы о семантике гаринских «страхов» в рассматриваемом эпизоде, дадим слово Е. Курганову, в противовес расхожим взглядам на страх как на «всё тёмное и уродливое в человеке и обществе, всё, что связано с насилием над личностью», напомнившему о «той глубинной трактовке темы страха, которая была предложена в ряде течений иудаизма, прежде всего в еврейской мистике» (Курганов 2005, с. 36). Речь идёт, в частности, о том многоликом и многоформенном страхе Каббалы, который «образует громадную и всеобъемлющую иерархическую систему, которая собою пронизывает всё человеческое бытие»: «Страх – это структура, населённая не только множеством форм, но и имён, но населённая отнюдь не хаотично. Возникает как бы громадная лестница, каждая ступенька которой поименована... Обретение и культивирование страха – это обретение божественного в человеческом, это понимание того, что высший предел отнюдь не достигнут и недостижим, – нужно исполнить заповедь и искренне бояться, что сделано ещё недостаточно, что можно ещё и ещё» (Курганов 2005, с. 38).

Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод о том, что спуск героя в старый колодезь можно рассматривать не иначе, как форму религиозного опыта, «метафизического ужаса» (Jaccard 1994, с. 70), опыта в е р т к а л и для человека, до сих пор пребывавшего исключительно в горизонтальном пространстве. Что подталкивает его к этому опыту? Очевидно, тот самый крах гармонии: мир рушится, и для его восстановления от героя, ощущающего себя «виноватым» в крахе гармонии, требуется спуститься в «колодезь» (= взойти по той «громадной лестнице», о которой пишет Е. Курганов). Другой вопрос – восстанавливает ли этот спуск-восхождение героя искомую гармонию? На

наш взгляд, в случае Н.Г. Гарина-Михайловского – нет, не восстанавливает, и вот почему.

Совсем неслучайно глава о спуске гаринского героя в «старый колодезь» начинается со сна героя («Сон то лёгкий, то тяжёлый, кошмарный» (Гарин-Михайловский 1957, с. 87)), а завершается его же, героя, болезнью и бредом («Через час Тёма, лёжа на своей кровати, с ледяными компрессами на голове, пришёл в себя... Холодное дыхание смерти ярко колеблет вот-вот готовое навсегда погаснуть разгоревшееся пламя маленькой свечки. Быстро тает воск, быстро тает оболочка тела, и уже стоит перед всеми горячая любящая душа Тёмы, стоит обнажённая и тянет к себе» (Гарин-Михайловский 1957, с. 95–96)). Таким образом, в этой главе герой как бы выпадает из той горизонтальной реальности, в которой он «вдумывается» не только в «безвыходность своего положения», но и всего происходящего в мире: «вдумывается» до и после погружения в «колодезь», но не во время этого погружения. В момент спуска в колодезь, герой как бы выпадает из у м н о й горизонтальной, перемещается в другое измерение, но как только опасность смерти миновала – снова в неё возвращается и начинает «вдумываться». Вот в этом и состоит причина того, что спуск в колодезь не восстанавливает рухнувшую гармонию, – «вдумчивость» героя (и писателя) препятствует этому.

Третий эпизод – финал повести и смерть отца героя, хотя на месте именно этого эпизода могли бы быть ещё несколько других эпизодов повести. Смертей в «Детстве Тёмы» так много, что они почти рябят в глазах читателя, перед которыми умирают то жена живущего на наёмном дворе Абрумки, то «старая, восьмидесятилетняя, высокая, толстая, одинокая баба» Пульчиха, которую находят повесившейся, то учитель Борис Борисович Кноп. Смерть не даёт забыть о себе и приближается к герою даже тогда, когда все вокруг живы-здоровы, но и эта жизнь, и это здоровье – временны, а смерть – повсеместна и неизбежна: вот – взгляд героя «случайно падает на кладбищенскую стену», находящуюся возле дома; вот – Тёме становится скучно, «точно все-все умерли вдруг, и никого, кроме него, не осталось»; а вот – фантазия уносит героя на необитаемый остров, и он, «всласть навоювавшись с дикарями и со всевозможными чудовищами мира, надумался, наконец, умирать» («Умирать Тёма любил. Все будут жалеть его, плакать; и он будет плакать... И слёзы вот-вот уж готовы брызнуть из глаз Тёмы» (Гарин-Михайловский 1957, с. 130)).

В связи со сказанным совсем не кажется случайным, что и завершается повесть тоже смертью, – правда, на этот раз «дыхание смерти» перемишивается с солнечным светом и «ароматом молодой весны», которые, соединившись, образуют новую эмоцию, которой не было в самой повести – ли-

нию обретения той гармонии, о которой мечтал и к которой стремился автор «Детства Тёмы» на протяжении всей повести, но которая так и осталась для него недоступной: «Хочется ласки, любви – любить мать, людей, любить мир со всем его хорошим и дурным, хочется жизнью своею, как этим ясным, светлым днём, пронестись по земле и, совершив определённое, скрыться, исчезнуть, растаять в ясной лазури небес...» (Гарин-Михайловский 1957, с. 198).

Итак, рассмотрев три эпизода гаринской повести, мы можем констатировать следующее. На первых её страницах Гарин задумывается над вопросом, что стало причиной распада гармонии и кто виноват в этом распаде. Напряжённое обдумывание этого и смежных с ним вопросов составляет сюжет и всей дальнейшей повести: совершая те или иные поступки, вступая во взаимодействие с окружающими и т.д., герой вновь и вновь ставит и решает тот же самый вопрос, – и все попытки найти ответ на него оказываются безрезультатными. Есть, впрочем, в сюжете повести и такие ходы и повороты, когда инженерная мысль её автора, стремящегося вычислить формулу гармонии, как бы ослабевает, и тогда герой «выпадает» из у м н о г о пространства в другое – ужасное и не поддающееся пониманию, но зато вовлекающее героя и читателя в другое проживание мира, отличное от математических расчётов и конструирования. Именно с этим другим опытом не у м н о г о, а иного понимания мира читатель сталкивается, например, в главе «Старый колодезь», – впрочем, и опыт погружения в этот самый колодезь, и другие подобные ему, эпизодичны и, скорее, исключительны, чем закономерны и являются чем-то, что определяет развитие сюжета. Наконец, финал повести свидетельствует, с нашей точки зрения, о полном крахе всех «умных» попыток найти причину разрушения гармонии и восстановить её: отец, который мог бы «отрубить» Тёме виноватые во всех бедах руки, мёртв, а мир, который держался на строгости покойного отца, продолжает жить и вовсе не собирается умирать. «Что-то здесь не то, какая-то в эти расчёты закралась ошибка», – таков вывод, с которым остаётся читатель гаринской повести по её прочтении. Какая ошибка – ответа на этот вопрос Гарин, разумеется, не даёт, и каждый из исследователей предлагал, как мы видели выше, свой собственный ответ на него. Если говорить о П.В. Быкове, то никаких или почти никаких нерешённых противоречий в отношениях героя гаринской повести с миром он практически и не заметил, – в глаза ему, современнику писателя, бросились «неприкрашенная правдивость и трогательная чистосердечность» «Детства Тёмы». По мнению И.М. Юдиной, причиной дисгармонии, которую ощущает герой повести, является его собственный «опасный» возраст. В.П. Скобелеву представля-

лось, что эта причина вытекает из самого факта поисков человеком «своего места в жизни не столько в бытовом, сколько в нравственно-психологическом и социально-мировоззренческом смысле». На наш взгляд, каждый из исследователей по-своему прав, но от всех них ускользнуло как раз то, что лежало внутри всех исканий и метаний героя (а вместе с ним – и автора) повести, написанной писателем Н.Г. Гариним, но почти в каждой её строчке остававшимся инженером Н.Г. Михайловским, который пытался подвергнуть гармонию анализу, расщепить её на составляющие, найти дефект и пересобрать целое так, как это привычно делать инженеру, – и каждый раз эта попытка анализа и пересборки терпела крах, причинявший страдания и герою, и автору, и читателю. Отсюда и то эмоциональное ощущение внутренних мучений, страдания, которое не покидает читателя на протяжении практически всей гаринской повести.

Думается, что именно это ощущение и было главным, что запомнил читатель Н.Г. Гарина-Михайловского А.Н. Толстой, а запомнив, оттолкнулся от него в своей собственной автобиографической повести о детстве.

Если говорить о характере отклика А.Н. Толстого Гарину, то точнее всего, с нашей точки зрения, говорить именно об отталкивании. Вся толстовская повесть от начала и до самой последней строчки – это «Детство Тёмы», в котором всё поставлено с ног на голову: не осталось ни одной детали, ни одной характеристики, которую Толстой не подверг бы критическому рассмотрению и самой решительной перелицовке. Фактически, вся толстовская повесть – это Гарин, вывернутый наизнанку, анти-Гарин, переписанный решительно, с азартом и точным пониманием не только того, что автор «Детства Никиты» ценит, но и того, что он не приемлет.

Различия начинаются с самого начала, которым является заголовок повести. Если Гарин назвал свою повесть выдуманным именем, а потом дал это имя родившемуся в 1893 году сыну, то Толстой поступает обратным образом, называя повесть о своём детстве именем сына, родившегося за два года до начала работы над ней: Никита Толстой появился на свет в феврале 1917-го, А.Н. Толстой приступил к написанию «Повести о многих превосходных вещах», как называлась журнальная редакция «Детства Никиты», в 1919-м. Существенно ли это как будто бы случайное обстоятельство, касающееся почти исключительно биографии двух писателей? На наш взгляд, да, существенно. Если в случае Гарина вымысел как бы опережает реальность, то у Толстого всё обстоит ровно наоборот – сначала появился на свет Никита Алексеевич Толстой, а уже после этого его отец взялся за сочинение повести, которую «с глубоким уважением» посвятил ему, сыну, явившемуся первым и главным адреса-

том автобиографического повествования Толстого о «русском детстве» (здесь стоит напомнить, что повесть «Детство Никиты» писалась А.Н. Толстым в эмиграции – во Франции и в Германии).

Но этим, первым, отличием дело, разумеется, не ограничивается, касаясь и многих других существенных сторон поэтики двух произведений.

Вот, например, глава, открывающая толстовскую повесть, – она называется «Солнечное утро». Напомним, гаринское «Детство Тёмы» открывается главой «Неудачный день», и первая же фраза этой главы ставила читателя перед «ужасной» ситуацией: цветок сломан по вине героя, и положение последнего «безвыходное». Не то у Толстого: «Никита вздохнул, просыпаясь, и открыл глаза. Сквозь морозные узоры на окнах, сквозь чудесно расписанные серебром звезды и лапчатые листья светило солнце. Свет в комнате был снежно-белый. С умывальной чашки скользнул зайчик и дрожал на стене» (Толстой 1982, с. 211). Если герой Н.Г. Гарина-Михайловского с первых же строк испытывает ужас и раскаяние, а впереди его ожидает наказание, то герой А.Н. Толстого с тех же первых строк буквально купается в счастье: мороз расписал на окнах звезды и лапчатые листья, его комната приветствует его снежно-белым светом, а скользнувший с умывальной чашки солнечный зайчик терпеливо ждёт его пробуждения. Весь мир открыт толстовскому герою, радуется ему и вместе с ним, готовит ему только приятные сюрпризы и подарки («Вчера к вечеру Пахом, кривой и рябой мужик, смастерил Никите, по особенной его просьбе, скамейку. Делалась она так: В каретнике, на верстаке, среди кольцом закрученных, пахучих стружек Пахом выстрогал две доски и четыре ножки; нижняя доска с переднего края – с носа – срезанная, чтобы не заедалась в снег; ножки точёные; в верхней доске сделаны два выреза для ног, чтобы ловчее сидеть. Нижняя доска обмазывалась коровьим навозом и три раза поливалась водой на морозе, – после этого она делалась, как зеркало, к верхней доске привязывалась веревочка – возить скамейку, и когда едешь с горы, то править. Сейчас скамейка, конечно, уже готова и стоит у крыльца. Пахом такой человек: “Если, говорит, что я сказал – закон, сделаю”» (Толстой 1982, с. 211)). Единственной заботой героя в этой ситуации становится стремление «одеться в минуту» и «удрать на двор», а единственным огорчением – «голова в очках, с торчащими рыжими бровями, с ярко-рыжей бородкой», просунувшаяся в приотворённую дверь со словами: «Встаёшь, разбойник?» (Толстой 1982, с. 212). Разумеется, ни эти заботы, ни огорчения не идут ни в какое сравнение с гаринскими: счастье толстовского героя так полно и безоблачно, что его не могут ни разрушить, ни поколебать никакие огорчения, включая заботли-

во-ироничного обладателя ярко-рыжей бородки учителя Аркадия Ивановича.

Так же, как и Гарин, Толстой не раз и не два ставит своего героя в ситуацию, когда от его сообразности и умения на время переместиться из горизонтали бытия на его вертикальную ось, ось экзистенции и предельных вопросов и ответов, зависит то, каким быть миру и быть ли ему вообще. Выше, говоря о «Детстве Тёмы», мы видели, что в повести Гарина наиболее зримо эта ситуация разработана в главе «Старый колодезь», где герой, ненадолго покидая горизонталь у м н о г о существования, восходит по лестнице страха и ужаса к вершине другого опыта, отличного от привычного ему опыта «вдумывания». В «Детстве Никиты» такой «вертикальной» главой является глава «Домик на колёсах».

Место главы «Домик на колёсах» в сюжете толстовской повести рождает больше всего вопросов, так выбивается из общего повествования и сама эта глава, и её центральный образ – какая-то плугарская будка, куда неведомо как и для чего забредает герой, вдруг проникающийся внезапно нахлынувшим на него религиозным чувством и молящийся, глядя на «ложку, бутылку и черенок от ножа». Но если принять во внимание сказанное выше, глава «Домик на колёсах» уже не кажется ни странной, ни нарушающей логику повествования, а случайно оказавшиеся в плугарской будке предметы выстраиваются в семиотическую цепочку, в которой нет ни одной лишней или недостающей детали. Плугарская будка – это и место тайной вечери, и Гефсиманский сад, и Голгофа в одно и то же время (к слову сказать, глава «Домик на колёсах» почти соседствует в повести с другой главой – «Страстная неделя»), нет поэтому ничего странного в том, что в будке герой находит «евхаристический набор», состоящий из ложки и бутылки («И когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов»), и – черенок от ножа как знак будущей казни, за которой последует воскресение.

Представляет интерес и «молитва», которую сочиняет герой, оказавшийся на этой неожиданной для самого себя евхаристии в домике на колёсах: «Господи... дай, Господи, чтобы было опять всё хорошо. Чтобы мама любила, чтобы я слушался Аркадия Ивановича... Чтобы вышло солнце, выросла трава... Чтобы не кричали грачи так страшно... Чтобы не слышать мне, как ревет бык Баян... Господи, дай, чтобы мне было опять легко...» (Толстой 1982, с. 259). Чтобы говорить об этой «молитве» толстовского героя, надо попробовать понять, что, собственно, его волнует и

тревожит. Ответив на этот вопрос, мы поймём и то, как и для чего он оказался в «домике на колёсах». А волнует его, что «три дня дул мокрый ветер, съедая снега. На буграх оголилась чёрными бороздами пашня. В воздухе пахло талым снегом, навозом и скотиной» (Толстой 1982, с. 258); ещё тревожит, что «всё – земля, животные, скот, птицы перестали быть понятными ему, близкими, – стали чужими, враждебными, зловещими» (Толстой 1982, с. 258–259); наконец волнует и тревожит, что, когда «он возвращался домой, мокрый, одичавший, пахнувший собакой, матушка глядела на него внимательно, неласково, осуждающе» (Толстой 1982, с. 259). Гармоничный и понятный мир изменился, сдвинулся со своей оси, переполнился весенней животной силой и от этого стал неприглядным и пугающим.

Что в этих случаях преимущественно делал гаринский герой? «Вдумывался», пытался проанализировать ситуацию, найти виновного и спасти мир. Преимущественно – разве что за исключением погружения в старый колодец, которое, как мы видели, происходит между сном и болезнью. А вот что делает в этой ситуации герой А.Н. Толстого: «Сонный, встревоженный, бродил он по двору, по разбухшим дорогам, уходил на гумно, где от початых ометов мякины пахло хлебной пылью и мышами... Никита шёл вдоль омета, с подветренной стороны... Никита подошёл к стоящей недалеко от гумна, в поле, плугарской будке – дощатому домику на колёсах... Никита взобрался в него по лесенке в пять жёрдочек» (Толстой 1982, с. 258–259). Как видим из приведённых цитат, герой Толстого далёк от анализа и поисков виновного: он, не прекращая, действует – бродит по разбухшим дорогам, идёт на гумно и в поле, взбирается в домик на колёсах и т.д. То есть рефлексии Толстой предпочитает действие, а перед поиском виновных он отдаёт предпочтение попытке найти выход из тревожащей ситуации.

Там, где Гарина тревожит разломавшаяся по вине человека гармония его взаимоотношений с миром, тревога Толстого связана совсем с другим – природный мир так переполнен происходящим в нём, что человек просто не в силах вместить в себя этой полноты и боится не справиться, не удержать себя в человеческих рамках. Именно эта боязнь и подталкивает героя толстовской повести к молитве в «домике на колёсах», о которой мы уже говорили выше.

Но боязнь охватывает героя Толстого не внезапно, она накапливается медленно и постепенно и разрешается в молитве. Вот, например, одна из первых волн страха, подступающих вплотную к герою в «Домике на колёсах»: «Сонный, встревоженный, бродил он по двору, по разбухшим дорогам, уходил на гумно... Ему было мутно и тревожно, точно что-то должно произойти страшное,

то, чего нельзя понять и простить» (Толстой 1982, с. 258). А вот ещё одна волна страха: «В этом омете ещё остались норы, выкопанные рабочими и девками поздней осенью, когда домолачивали последние скирды пшеницы. В норы и пещеры в глубине омета люди залезали спать на ночь. Никита вспомнил, какие он слышал разговоры там, в темноте тёплой пахучей соломы. Омет показался ему страшным» (Толстой 1982, с. 259). Но максимально близко волна страха подступает к герою в момент самой импровизированной молитвы, после первых же слов которой по спине героя «побежали холодные мурашки». Герою страшно не справиться с собой, «он ничего плохого не сделал за эти дни, а всё-таки было тревожно, будто он тоже виноват в каком-то ни с того ни с сего начавшемся во всей земле преступлении», имя которому – весна.

Если вертикаль у Гарина была точкой временного выпадения героя из состояния дисгармонии, то у Толстого вертикаль, напротив, – временная приостановка гармонии, а по возвращении героя повести из «вертикали» домика на колёсах и молитвы к его нормальному состоянию, его встречают нежная улыбка матери и её обращённый к нему вопрос: «Ну, что, набегался? Хочешь чаю?» (Толстой 1982, с. 260). «Чай» здесь – подведение черты под «набегался», знак возврата к привычному и не-«преступному»: помолившись на импровизированный иконостас, герой обретает необходимые ему силы, чтобы не раствориться в природном и остаться человеком.

Следует упомянуть и ещё об одном важном отличии толстовского «детства» от гаринского: если мир Гарина насыщен болезнями и смертью, которая окружает героя, проникает в его память и даже – в мечты, то в мире Толстого смерти нет вообще. При этом биографический автор А.Н. Толстой был хорошо знаком с тем, что такое болезнь и смерть, писал и о том, и о другом в детских письмах родителям (Перепелкин 2021, с. 280–281), но в тексте «Детства Никиты» смерти не нашлось места совсем, а болезнь хоть и есть, но не смертельная, а завершающаяся радостным выздоровлением. И даже это выздоровление отца героя, Василия Никитевича, Толстой, как нам это представляется, противопоставил болезни и смерти отца Тёмы у Н.Г. Гарина-Михайловского: в последнем случае болезнью, смертью и похоронами отца завершается вся повесть и детство героя, – хрупкая гармония, державшаяся в том числе за счёт военной выправки и воли отца-генерала, рушится, и герой остаётся на её руинах – с желанием жить и неумением наладить жизнь по-новому; у Толстого же болезнь отца проходит в череде многих других дел и забот и не только ничего не разрушает, но даже, кажется, и не очень заметно влияет на ход вещей, и если что-то с ней и завер-

шается, так это весенние хлопоты и беспокойство, вызванное пробуждением природы.

Вообще тема взаимоотношений героев двух повестей с родителями и с отцами, в частности, – тема, требующая отдельного пристального рассмотрения. Раскрывая эту тему в своей повести, А.Н. Толстой, по нашему мнению, самым пристальным образом оглядывался на Н.Г. Гарина-Михайловского, но, оглядываясь, вновь делал это по принципу отталкивания.

Осмысление своих взаимоотношений с отцом для взрослеющего ребёнка, подростка – существенный этап процесса взросления, и в обеих повестях герои оказываются вынужденными через этот этап пройти. Вот только проходят они его по-разному: если гаринский герой, заставляя себя любить отца, всё-таки испытывает по отношению к нему, прежде всего, страх и ненависть, прорывающиеся наружу в моменты жестоких наказаний («Противный, гадкий, я тебя не люблю! – кричит он с бессильной злобой» (Гарин-Михайловский 1957, с. 77)), то отношение толстовского героя к отцу хоть и несколько ироничное, но нежное, заинтересованное и выражающееся по-толстовски, прежде всего, через действие: «Никита сидел на коленях на стуле и, наваливаясь животом на стол, так и лез отцу в рот» (Толстой 1982, с. 264).

Представляются любопытными два характерных эпизода из повестей Гарина и Толстого, связанные с осмыслением двумя героями роли отцов в их жизни. В повести Гарина героя внезапно посещает мысль, неожиданная для него самого: «Вот хорошо, если б Томылин был мой отец» (Гарин-Михайловский 1957, с. 153) (Томылин – гимназический учитель Тёмы – М.П.). Откуда эта мысль взялась в его сознании, что ему с ней делать – этого герой не знает, поэтому она «неприятно передёргивает» его: «Томылин в эту минуту как-то сразу делается ему чужим, и взамен его выдвигается образ сурового, озабоченного отца. “Я очень люблю папу, – проносится у него приятное сознание сыновней любви. – И маму люблю, и Еремея, и Бориса Борисовича, всех, всех”» (Гарин-Михайловский 1957, с. 153). С этим эпизодом гаринской повести отчётливо «рифмуется» другой, толстовский: «Матушка сильно загрустила над письмом и вечером, показывая его Аркадию Ивановичу, говорила: – Бог с ним, с этим наследством, если из-за него столько неприятностей; всю зиму живём в разлуке. Вот мне даже кажется, что Никита уже начал забывать отца» (Толстой 1982, с. 249). Сразу вслед за этим следуют размышления Никиты, но размышления не бездейственные, а сопровождающие деятельность – рисование Америки, в продолжение которого Никита «с любовью и нежным весельем думал об отце», и завершающиеся выводом: «Совесть его была спокойна, – матушка напрасно сказала, что он его забыл» (Толстой 1982, с. 251).

Размышления героев об их отцах – это во многом и есть то, как герои понимают мир, своё место в нём, связь с прошлым и роль в будущем. Если материнская гармония – изначальная, природная, то отцовская – обретаемая (или не обретаемая) в процессе познания мира и взаимодействия с ним. И вот как раз в этом смысле гармония гаринского героя представляет собой недоразрешённую (и нерешаемую в принципе) проблему, для толстовского же героя никакой нерешённой проблемы и в этом плане тоже нет и не может быть: «любовь и нежное веселье», с которыми он вспоминает отца, прекрасно характеризуют его взаимоотношения с миром в целом.

Заключение

Наконец, нам осталось ответить на один, но очень существенный, вопрос: что, собственно, заставило взявшегося за повесть о детстве А.Н. Толстого написать, как было сказано, антигаринское сочинение, не просто по-новому и иначе расставив акценты, а переосмыслив и целое, и частности?

Ответ на этот вопрос целесообразно начать, вернувшись к исходному пункту наших размышлений о личном знакомстве одного писателя, младшего, с другим – старшим. Чем был Н.Г. Гарин-Михайловский для юноши Толстого? С одной стороны, он был безусловным авторитетом – и в писательском, и, скорее всего, в человеческом отношении тоже: петербуржец, инженер-путеец, популярный писатель, прогрессивный помещик, либерал, законодатель литературной и иной моды в провинции и т.д., и т.п. С другой стороны, Толстой ощущал и не мог не ощущать некой двойственности в личных принципах Гарина и тяжести в его творчестве. Если говорить о биографической стороне дела, Толстой, скорее всего, был осведомлён о так и не возвращённом Гариным большом денежном долге его матери, образовавшемся после сдачи ему в аренду одного из родовых имений, принадлежащих матери А.Н. Толстого и её сёстрам – села Тургенево. Оставшись в должниках, Гарин просто «забыл» об этом долге, в результате чего разговор о нём просто свёлся на нет (Перепёлкин 2020, с. 98–100). Возможно, знал Толстой и о других обстоятельствах личной жизни и поведения Гарина, не украшавших последнего и осуждавшихся обществом: оставив жену с шестью детьми, последний стал жить гражданским браком с «миллионершей» В.А. Садовской; при этом отношения Гарина с обеими жёнами – законной и гражданской – оставались недооформленными в юридическом и человеческом плане, что, естественно, рождало массу сплетен в провинции, совершенно скандализованной этой свободой нравов. Гарин же только подливал масла в огонь, появляясь на людях то с одной, то с другой женщиной и не очень заботясь о соблюдении ка-

ких бы то ни было, хотя бы внешних, приличий (Перепелкин 2020, с. 96). Если же говорить о творчестве, то юноша не мог не признавать таланта Гарина-литератора и психолога, не мог не считаться с тем, что его имя не просто хорошо известно в столичных литературных кругах, но что с его мнением считаются, ему подражают и т.д., в 1916 году издательство А.Ф. Маркса выпустило в качестве приложения к журналу «Нива» восьмитомное собрание сочинений писателя, разошедшееся по стране и сделавшее имя Н.Г. Гарина-Михайловского не просто ещё более известным и популярным, но и даже в чём-то равным классикам, чьи собрания также выходили в качестве приложений к этому журналу для семейного чтения. Но, признавая литературный талант Гарина, Толстой не мог не отдавать себе отчёта в его внутренней ущербности и чуждости собственному мироощущению. Толстой – поэт бытийной полноты и счастья, «фламандец», по выражению Б. Парамонова и И. Толстого (Парамонов, Толстой 2017, с. 405). Гарин – по-своему тоже поэт, но поэт излома, «внутренней разорванности» (Догнал 2004, с. 22), поэт вины и наказания, поэт «непоправимости совершившегося факта». Как известно, в своё время М. Горький назвал Гарина «поэтом труда» (Горький 1952, с. 77); согласимся и с этим, но с одной оговоркой: труд, который поэтизирует Гарин, – это труд восстановления гармонии, обречённый на неуспех, которым заканчивались почти все начинания Н.Г. Гарина-Михайловского – от строительства железных дорог до эффективного помещичьего управления и крестьянского хозяйства: железнодорожная служба не приносила удовлетворения и разочаровывала по одним причинам, помещичье управление и крестьянское хозяйство терпели крах по другим. Исходя из этого, формулировка Горького могла бы звучать так: «поэт труда, приведшего к краху». Поэтому, как только А.Н. Толстой созрел до пересмотра и ревизии своих детских и юношеских взглядов и идеалов, одним из первых идолов юности, к которым он приблизился с целью этой ревизии, и был автор «Детства Тёмы» Н.Г. Гарин-Михайловский. Интересно, что многие годы спустя после этой «ревизии» Гарина, предпринятой Толстым, состоялось знакомство детей двух писателей – внучки Н.Г. Гарина-Михайловского Ирины Юрьевны Неуструевой и сына А.Н. Толстого Никиты Алексеича Толстого. Знакомство произошло благодаря посреднической помощи сотрудника Самарского литературного музея З.В. Стрелковой, сообщившей И.Ю. Неуструевой адрес Н.А. Толстого. В письме от 3 июля 1981 года к З.В. Стрелковой И.Ю. Неуструева поблагодарила её за адрес и телефон Н.А. Толстого и сообщила о том, что они с двоюродным братом давно собирались посетить его и установить с ним контакт. В другом пись-

ме, от 1 ноября 1988 года, уже на имя директора музея М.П. Лимаровой сестры И.Ю. и Э.Ю. Неуструевы поблагодарили её за выступление по Ленинградскому телевидению в передаче «Телекурьер», где М.П. Лимарова рассказала о полученной ею тетради с воспоминаниями их бабушки М.В. Неуструевой, «после того, как, согласно её воле, с ними познакомились сыновья А.Н. Толстого». Любопытно, что ни Н.А. Толстой, ни внучки Н.Г. Гарина-Михайловского ни о какой «ревизии» либо не подозревали, либо не обмолвились ни словом в своих письмах в Самарский музей. Самой же ревизией Гарина и своего юношеского отношения к нему стало для Толстого его «Детство Никиты». Но одной этой ревизии Толстому показалось недостаточно – так, в середине 1920-х из-под пера писателя вышел роман «Гиперболоид инженера Гарина». Впрочем, это уже совсем другая история.

Библиографический список

Zizek, Sl. (1993), *Grimaces of the real: Jacques Lacan or the monstrosity of the nude*, Cologne, Germany.

Алексей Толстой и Самара: Из архива писателя. Куйбышев, 1982.

Гарин-Михайловский Н.Г. Собрание сочинений: В пяти томах. Том I. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1957.

Горький М. Собрание сочинений: В 30 тт. Т. 17. Москва, 1952.

Догнал Й. Место реализма в системе литературных направлений в настоящую эпоху // *Opera Slavica*. 2004. № 1 (XIV). S. 19–28.

Курганов Е. О необходимости страха // *Семиотика страха*. Москва: Русский институт – «Европа», 2005. С. 36–43.

Парамонов Б., Толстой И. Бедлам как Вифлеем. Беседы любителей русского слова. Москва: Издательский дом «Дело», 2017.

Перепелкин М.А. Вокруг «Детства Никиты»: мир – слово – смысл. Самара: Научно-технический центр, 2021.

Перепелкин М.А. Евгений Николаевич Чириков. Самарские страницы жизни и творчества. Самара: ООО «Слово», 2020.

Переписка А. Н. Толстого. Т. 1. Москва: Художественная литература, 1989.

Полное собрание сочинений Н.Г. Гарина-Михайловского. Том I. Петроград: Издание т-ва А.Ф. Маркс, 1916.

Привалова Е. Творчество А.Н. Толстого для детей. Москва: Государственное издательство культурно-просветительной литературы, 1953.

Скобелев В.П. В поисках гармонии. Художественное развитие А.Н. Толстого 1907–1922 гг. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1981.

Скобелев В.П. О двух повестях и их авторе // Гарин-Михайловский Н.Г. Детство Тёмы. Гимназисты. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1984. С. 3–18.

Толстая Е.Д. Ключи счастья. Алексей Толстой и литературный Петербург. Москва: Новое литературное обозрение, 2013.

Толстой А.Н. Собр. соч.: В 10 тт. Том третий. Москва: Художественная литература, 1982.

Юдина И.М. Н.Г. Гарин-Михайловский: Жизнь и литературно-общественная деятельность. Ленинград: Наука, 1969.

Goldstein, K. (1963), *Human Nature in the Light of Psychopathology*, Schocken, N.Y., USA.

Jaccard Jean-Philippe. Возвышенное в творчестве Даниила Хармса // Wiener Slavistischer Almanach. 1994. Band 34. S. 61–80.

References

Alexey Tolstoy and Samara: From the writer's archive (1982), Kuibyshev, Russia.

Garin-Mikhailovsky, N. (1957), *Collected works: In five volumes. Volume I*, State Publishing House of Fiction, Moscow, Russia.

Gorky, M. (1952), *Sobr. soch.: In 30 tt. vol. 17*, Moscow, Russia.

Dognal, J. (2004), The place of realism in the system of literary trends in the present era, *Opera Slavica*, no. 1 (XIV), pp. 19–28.

Kurganov, E. (2005), About the necessity of fear, *Semiotics of fear*, Russian Institute «Europe», Moscow, pp. 36–43.

Paramonov, B. (2017), *Tolstoy I. Bedlam as Bethlehem. Conversations of lovers of the Russian word*, Publishing House «Delo», Moscow, Russia.

Perepelkin, M. (2021), *Around «Nikita's Childhood»: mir – slovo – smysl*, Scientific and Technical Center, Samara, Russia.

Perepelkin, M. (2020), *Evgeny Nikolaevich Chirikov. Samara pages of life and creativity*, Slovo LLC, Samara, Russia.

Correspondence of A. Tolstoy (1989), vol. 1, Fiction, Moscow, Russia.

The complete works of N. Garin-Mikhailovsky. Volume I (1916), Publishing House of A. Marx, Petrograd, Russia.

Privalova, E. (1953), *Creativity of A. Tolstoy for children*, State Publishing House of Cultural and Educational Literature, Moscow, Russia.

Skobelev, V. (1981), *In search of harmony. The artistic development of A. Tolstoy 1907–1922*, Kuibyshev Book Publishing House, Kuibyshev, Russia.

Skobelev, V. (1984), *About two stories and their author; Garin-Mikhailovsky N. Theme's Childhood. High school students*, Voronezh University Press, Voronezh, Russia.

Tolstaya, E. (2013), *Keys of happiness. Alexey Tolstoy and Literary Petersburg*, New Literary Review, Moscow, Russia.

Tolstoy, A. (1982), *Sobr. op.: In 10 tt. Volume three*, Fiction, Moscow, Russia.

Yudina, I.N. (1969), *Garin-Mikhailovsky: Life and Literary and social activity*, Nauka, Leningrad, Russia.

Goldstein, K. (1963), *Human Nature in the Light of Psychopathology*, Schocken, N.Y.

Jaccard Jean-Philippe (1994), The Sublime in the works of Daniil Kharmis, *Wiener Slavistischer Almanach*, vol. 34, pp. 61–80.

Zizek, Sl. (1993), *Grimaces of the real: Jacques Lacan or the monstrosity of the nude*, Cologne, Germany.

Submitted: 11.04.2022

Revised: 06.06.2022

Accepted: 17.06.2022